

Л.Чарская. Дикарь //Задушевное слово (журнал для старшего возраста) -- Пг-М.: т-во О.Вольф, 1916. -- No1-52

OCR Karti, ноябрь 2008 г

Исправлено в соответствии с современной орфографией.

Повесть для юношества,

ЛИДИИ ЧАРСКОЙ

ДИКАРЬ

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

Лесная встреча.

Весна была в разгаре. Казалось, Великий Хозяин раскинул над пробужденной после суровой зимы землею бирюзовый полог, весь затканый золотыми блестками солнца и белыми пушистыми гроздьями облаков. Милым весенним звоном звенел пушистый, принаряженный старик-лес. Чист и ароматен был майский воздух. И синее огромное, как море, с едва уловимыми на горизонте берегами, озеро казалось вторым небом, только опрокинутым, разостланным по земле, только более темным, более хмурым и строгим. В лесу пахло свежее смолою, неуловимо пряным запахом обновленной земли и несло откуда-то тонкою душистою струею первых ландышей. Нудно и однозвучно кричала кукушка. Пела малиновка на ивовой ветке. Стучал клювом настойчивый дятел. И вот неожиданно все эти шумы и шорохи, песни и звоны смело и громко покрыл резкий, пронзительный свист.

Рыжая белка в испуге метнулась с ветки старой сосны, уронив с дерева сухую прошлогоднюю шишку, и исчезла в зелени свежей изумрудной хвои. А свист все не прекращался. Зашуршали кусты вербы, и, с трудом пробираясь сквозь чащу, на узенькую тропинку вылезла небольшая человеческая Фигура. То был мальчик-подросток, лет четырнадцати, в старом, во многих местах порванном, во многих местах заплатанном матросском костюме. Смуглый, загорелый, обветренный со светло-серыми прямо смотрящими глазами, он был худ, строен и достаточно высок для своего возраста. Целая копна темно-русых волос, упрямо завивающихся крупными кольцами, беспорядочно выбивалась у него из-под матросской фуражки. Серые глаза его внимательно оглядывали местность, пока он не переставал свистать при помощи не совсем чистых пальцев, приложенных ко рту. Еще упала одна шишка из-под лапок насмерть перепуганной белки, и даже кукушка приостановила свою однообразную музыку, а мальчик все еще продолжал свистеть.

-- Го-го-го-го-го!-- вдруг неожиданно пронеслось по лесу.

Тут черные брови мальчика высоко приподнялись и губы раздвинулись в улыбку. Эта милая, простодушная улыбка сразу смягчила суровое, смуглое лицо мальчика, казавшегося диким, и нелюдимым, и оно неожиданно сразу похорошело, просветлело.

Он поднял голову и устремил глаза в сторону, куда убегала по направлению к небольшому фабричному городку тропинка.

-- Как ныне собирается вещий Олег, отмстить неразумным хазарам...-- запел он.

-- Их села и нивы за буйный набег обрек он мечам и пожарам...-- послышалось где-то неподалеку, и почти одновременно со звуками подхваченной песни из самой гущи кустов выскочило еще двое: рыжий, веснушчатый мальчик с бойкими, бегающими, как у пойманного дикого зверька, глазами, одного возраста с подростком в матроске, и девочка смуглая, как цыганка, с тоненькой косицей, странно торчавшей за ушами, на год или на два моложе своего спутника. Оба подростка были одеты в нищенские лохмотья, и по их изнуренным лицам было видно, что оба они прошли тяжелую и мучительную школу нужды.

-- Здорово, Дима!-- крикнул рыжий мальчуган и протянул приятелю грязную, черную руку.

Сероглазый подросток без тени брезгливости принял и пожал ее. Потом, кивнув головой девочке, сказал:

-- Как вы долго нынче... Я тут весь изсвистался, пока пришли.